

Новый человек

О.А. Лавренова

Семья как Вселенная, или Чужих детей не бывает

Подшел к молодому безумцу мудрец и спросил его: «Какое имеешь ты право сместь?» Мальчик ответил дерзостью: «Мне приходится сместь, потому что вы все слишком много умеете!»

А за дерзость ему связали за спину руки и отняли у него солнце. <...>

Да это же был мой сын, мой сын!..

Нет! Но того из мальчиков земли, с кем это сбудется, – я люблю, как сына.

Елена Гуро

Если уже перестанем детей любить, то кого же после того мы сможем по-любить и что станет тогда с нами самими?

Ф.М. Достоевский

Когда-то, много лет назад, будучи студенткой, я работала волонтером в одном из московских интернатов для детей-сирот. От этого времени остались записи и непреходящая боль в сердце – знакомая каждому, кто хоть раз столкнулся с оглушающим одиночеством, живущим в стенах наших «учреждений для детей, лишенных родительского попечительства». Однако и в этих стенах, несмотря на все издержки неблагоприятной среды, встречаются дети, поражающие воображение силой и яркостью личности. Они живут в условиях, немилосердно стирающих, сдирающих индивидуальные черты с людей более слабых, но тем не менее остаются сами собой. Бывает, что и они ломаются, превращаются в комок боли, но и тогда сквозь их немотивированную злость мерцает свет драгоценного камня души, незащищенно сквозит во взгляде, готовый отозваться на зов любящего сердца. «...Ребенок сродни зеркальной глади, от нее кружится голова. Сродни распахнутому окну. Перед ребенком всегда робеешь,

словно он всезнающ. Так оно и есть, в нем дышит дух, который ты потом иссушишь»¹, – писал философ и гуманист XX века А. де Сент-Экзюпери.

Каждый ребенок уникален. Развивать эту уникальность учат великие педагоги всех времен. Среди детей нашего века все больше появляется тех, кто не укладывается в рамки самых прогрессивных педагогических систем, – они опережают свое и наше время не столько ранней одаренностью, сколько приоритетом внутреннего нравственного закона над разладом окружающего мира. Они стали приходиться в наш мир не сегодня. Удивительно тонкая поэтесса Серебряного века Елена Гуро в начале прошлого столетия в своем дневнике записала: «Появились уже люди, видящие вещи, краски <мира> глазами ангелов, совмещающие в одном миге пространство и время. Они способствуют спасению и приближают, сами того не подозревая, бессмертие»². Сегодня, в начале нового тысячелетия, некоторые педагоги и ученые утверждают, что чуть ли не семь из десяти детей, – дети нового сознания, или дети индиго, как их иногда называют.

Этих детей мало кто понимает. Нескладные и неудобные, они не нужны окружающему их безвременью – законы, по которым они живут, проистекают из Вечности. Благая Весть высших миров, приходящая к нам с каждым таким ребенком, чаще всего не нужна этому миру.

Быть ребенком нелегко. Несправедливость мира ломает судьбы людей на взлете – в период детства. Чтобы нежный росток смог превратиться в могучее дерево, его необходимо уберечь от жестоких рук. Есть восточная притча о пушинке в глазу и на ладони. Глазу она причиняет нестерпимую боль, а прикосновение ее к ладони остается незамеченным. Так и утонченный человек, гласит притча, отзывается болью сердца на обстоятельстве и событии, кажущиеся грубому человеку не стоящими внимания. Необычные дети более ранимы, поскольку их души сопричастны судьбам мира. Никто не задумывался, сколько таких детей выброшено из семьи на произвол судьбы горе-родителями и прозябает в детских домах, интернатах, больницах, какой процент из статистических 700 тысяч социальных сирот в России они составляют. Как сказала на конференции «Дети нового сознания» Л.В. Шапошникова, наши времена сродни эпохе Ирода, когда ради того, чтобы уничтожить избранных, уничтожается (физически и морально) целое поколение детей.

Загадочная русская душа всегда взыскует Любви и Господа, но иногда за этими поисками забывает человека, который рядом, руша семьи, калеча детские души и судьбы. «...Бог дал родных, чтобы учиться на них любви. Общечеловеки ненавидят лиц в частности»³, – писал Ф.М. Достоевский. Полтора века назад один из его героев отказался верить в здание общечеловеческого счастья, если оно будет построено на слезе одного замученного ребенка. С тех пор в играх взрослых – революциях, мировых и локальных войнах – погибли и были искалечены физически и морально миллионы детей. Взрыв сиротства всегда происходит на социальном сломе, и прошлое столетие дало тому немало горьких примеров: сиротские приюты начала века, беспризорники 20-х годов, военная и послевоенная безотцовщина сороковых – дети, чьи родители погибли в боях и бомбежках, а также в тюрьмах и сталинских лагерях... На рубеже тысячелетий проблема вернулась на новом, катастрофическом уровне. В XXI столетии человечество продолжает строить свои планы, не беря в расчет судьбы детей. По данным сухой статистики, только за год в России от рук взрослых страдают 175 тысяч детей, три тысячи из них погибают. Телевизионные репортажи о проблемном детстве не тревожат сознания обывателей, становятся частью информационного шума. Те же, кого они зацепляют, спешат с кипой подарков в детские дома, – которые в столице и ряде других крупных городов уже ни в чем не нуждаются, – и, умиротворив душу, возвращаются в свою обычную спокойную жизнь. А детдомовские дети остаются наедине со своим одиночеством – ощущение собственной ненужности не избыть красивыми игрушками, велосипедами и компьютерами...

«Человечество постепенно и не без труда приходит к пониманию того, что так же, как надо беречь воздух, воду, землю на всей планете, надо беречь и всех ее детей, иначе будущее невозможно – не только светлое, но вообще никакое»⁴, – пишут те, кто профессионально занимается судьбами детей, оказавшихся на обочине жизни. В нашей стране это понимание формируется с гораздо большими усилиями, чем в западном мире. Тем не менее, когда проблема социального сиротства в России начала обретать масштабы национальной катастрофы, нашлись люди, которые поставили цель переломить ситуацию, создать новую для России систему, которая могла бы уничто-

¹ Сент-Экзюпери А. Соч. В 2 т. Т. 2. Цитадель. М., 1994. С. 375.

² Гуро Е. Небесные верблюжата. Ростов-на-Дону, 1993. С. 31.

³ Достоевский Ф.М. Черновой набросок к «Братьям Карамазовым». Цит. по: Собрание мыслей Достоевского. М., 2003. С. 557.

⁴ Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психологический портрет ребенка из детского дома / Вы решили усыновить ребенка. М., 2001. С. 188.

жить детские дома в том их качестве, к которому мы привыкли, – сколько средств и сил туда не вкладывай, они все равно остаются институтом сиротства. И происходит то, о чем тот же Достоевский с болью размышляет в «Дневнике писателя»: «...юноша вступает в жизнь один как перст, сердцем он не жил, сердце его ничем не связано с прошедшим, с семейством, с детством»⁵.

Двенадцать лет назад в России впервые за много лет прозвучало забытое слово «патронат», которое было известно у нас со времен Екатерины II. «Патрон – покровитель, заступник, либо благодетель», – читаем в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля. Замечательный писатель Владислав Крапивин, один из первых в стране поднявший проблему необычного детства, в своих произведениях называет взрослых, взявшихся защищать таких детей, «командорами». Но защищать нужно не только детей нового сознания, а детство вообще – среди спасенных будут и те, кто поведет человечество в будущее. Забытая за годы развитого социализма идея патроната как системы защиты детства вернулась к нам из Англии, где ученый и педагог Мария Терновская познакомилась с системой воспитания детей-сирот в специально подготовленных семьях. Детский дом нового типа, который в документах значился под номером 19, стал называться «Наша семья»⁶. И это не просто слова. Здесь абсолютное большинство детей, оставшихся без родителей, воспитываются в семье – единственной среде, где возможно формирование полноценной личности.

Современные исследования подтверждают старую мысль о том, что любую наследственность, кроме самых тяжелых, почти клинических случаев, любые психологические травмы, пережитые детьми в неблагополучных семьях, можно выправить с помощью воспитания. За годы своего существования «Наша семья» выправила более трехсот детских судеб. Среди них – совсем малыши и подростки, круглые сироты и те, у кого родители живы, но не могут о них заботиться, дети с особыми потребностями в развитии, дети, которых можно усыновлять, и дети, нуждающиеся во временной заботе. «Патронат – это самая простая и короткая дорога для детей в настоящую семью, – говорит Мария Тер-

новская, – это школа любви, терпения и надежды. Без любви в нее невозможно поступить, без терпения в ней трудно учиться».

При социализме, быстро пройдя фазу отрицания семьи как таковой, оставшиеся семьдесят лет утверждали, что семья – ячейка общества, забывая, что есть и более древнее ее значение. Семейный уклад, как и любая народная традиция, уходит корнями в высшие сферы Бытия, организует Хаос в Космос, натягивает и настраивает незримые струны, созвучающие с Беспредельностью.

Дети, находящиеся «на гособеспечении», – всех и ничьи. Рядом с ними часто есть хорошие люди, но нет родных, чья любовь и поддержка, чьи семейные традиции и уклад помогут им войти во взрослое общество не как безликая социаль-

⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Цит. по: Собрание мыслей Достоевского. С. 555.

⁶ Опыт детского дома №19 распространяется сегодня в двадцати регионах России. Закон г. Москвы от 4 июня 1997 г. №16 (с изменениями от 27 июня 2001 г.) дает определение патроната – это «форма устройства ребенка, нуждающегося в государственной защите, в семью патронатного воспитателя при обязательном условии разграничения прав и обязанностей по защите законных интересов этого ребенка между родителями (законными представителями) ребенка, уполномоченной службой (организацией), патронатным воспитателем». Патронат обеспечивает постоянную материальную и юридическую поддержку, помощь специалистов и родителям, и детям. За детьми сохраняются все социальные льготы, выплачивается пособие, с ними при необходимости работают дефектологи, психологи, логопеды. Родителям идет трудовой стаж, они получают зарплату и социальные гарантии, могут обратиться за консультацией к психологам.

ная единица, привыкшая ходить строем, есть и спать по команде, но как Человек...

Ощущение родства – не только психологическая или социальная категория. Не зря про плохих людей иногда говорят: «родства не помнящие». Через взаимоотношения с матерью и отцом, через родительскую любовь ребенок познает божественную Любовь. «Вселенная для маленького ребенка – это его семья. И законы мироздания он постигает на примере собственной семьи. Точнее говоря, опираясь на свой собственный опыт, он выводит эти законы и далее строит свою жизнь исходя из них»⁷. Когда ребенок обретает семью, он возвращается в мировую систему. Те, кто добровольно вступает в это духовное родство с маленьким человеком, вновь выстраивают для него (и для себя) разрушенные связи с Высшим. Это своего рода таинство встречи родных, близких душ, значение которого ими еще не осознано.

Психологи, которые понимают, как труден и долог путь родителей и приемных детей друг к другу, предлагают иногда вести дневниковые записи, чтобы помочь взрослым лучше понять, осознать глубинные токи, подтексты этого встречного движения душ. Одна из мам, в семье которой появился восьмилетний сын, позволила опубликовать фрагменты своего дневника.

Я начинаю писать эти письма в надежде, что когда-нибудь – возможно, много лет спустя – они помогут тебе понять и меня, и себя, восстановит в подробностях ту часть твоей личной истории, которая началась с нашего знакомства.

...Самым ужасным казалось – сделать неправильный шаг. Вдруг ошибусь и не узнаю тебя, не приму того, кто должен стать моим сыном, кто ждал меня – именно меня – долгие годы (когда тебе всего восемь лет, каждый год кажется вечностью).

Когда мне предложили посмотреть твои фотографии – не поверишь, я испугалась. Если объектив способен исказить внешность, то в данном случае это было сделано на все сто процентов. Но девушки в патронажном отделе попались настойчивые, они привели тебя якобы для интервью – ты в тот день уже рассказывал о своей жизни тележурналистам, снимавшим очередной фильм о проблеме сиротства. Наверное, ты что-то почувствовал и постарался включить все обаяние, на которое ты был способен... Но меня поразило не столько ты сам, сколько твой рисунок – одинокая кошка под голу-

бым небом. Рядом – ни деревца, ни кустика, ни камешка, ничего – только кошка и небо. Это была кошка в духе французского экзистенциализма, кошка, заброшенная в мир... Этот рисунок не давал мне покоя несколько дней, пока я снова не увидела его, – почему-то в моей памяти или воображении он был намного ярче и эффектнее оригинала...

Елена Ивановна Рерих, философ, обладающий провидческим талантом, писала об одной из женщин: «Когда мы окружены столькими несчастными сиротами, неужели же мы не найдем в себе великого материнского чувства к ним? Неужели при ее «горячей любви к детям» она не могла удовлетворить эту любовь, взяв на воспитание одного из несчастных брошенных сирот? Сколько благородства было бы в этом поступке, и кто знает, может быть, она воспитала бы именно своего истинного сына или дочь. Карма изумительно сводит нас с духами, связанными с нами в прошлом»⁸. Во взаимоотношениях «ребенок – мать» дети всегда «в полном смысле слова питаются ее психической энергией, в том и заключается великое самопожертвование матери. Древний Мир знал и умел охранять и чтить великое понятие Матери. Утрата этого понятия много способствовала огрубению нравов»⁹. Лишенные этой животворной подпитки, дети не могут развиваться нормально, – фиксируя детские психические аномалии, ученые пишут многостраничные труды о «материнской депривации»¹⁰, но причина этих нарушений лежит намного глубже.

Родительская любовь может достучаться до запрятанных глубоко в сердце ребенка зерен «доброто и вечного». Но любовь не рождается вдруг, еще дольше накапливается мудрость. Способность «на трезвую голову» оценить и объяснить ситуацию, в которой, казалось бы, рушатся устои привычного образа мира, дает спасительную нить. А иногда много раз прочитанные в умных книгах слова вдруг неожиданным образом упорядочивают мозаику опыта, звучат, как гром среди ясного неба, и расцениваются как весть, как подарок судьбы. «Учение, как по земле ходить, явлено тем, кто небо живым почитает. <...> Чутко надо проникать в явления каждого дня. Когда срок наступит, даже муравей гонцом придет»¹¹, – гласит мудрость Востока.

Поначалу было абсолютно непонятно и утомительно твое «нет» на все случаи жизни, твои истерики приводили меня в ужас. Но однажды ты

⁷ Игумен Евмений. Исправление аномалий родительской любви. Свет Православия, 2005. С. 143.

⁸ Рерих Е.И. Письма. Т. 2. М., 2000. С. 66.

⁹ Письма Елены Рерих. 1932–1955. Новосибирск, 1993. С. 234.

¹⁰ Депривация (deprivation) – лишение или ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей.

¹¹ Озарение, II, 11.

Я начинаю писать эти письма в надежде, что когда-нибудь, возможно, много лет спустя, они помогут тебе понять и меня, и себя, восстановить в подробностях ту часть твоей личной истории, которая началась с нашего знакомства.

... Самым ужасным казалось - сделать неправильный шаг. Вдруг ошибусь, и не узнаю тебя, не приму того, кто должен стать моим сыном, кто перал меня - именно меня - долгие годы (когда тебе всего восемь лет, каждый год кажется веком).

сказал мне, между делом и как о чем-то само собой разумеющемся, что не хочешь жить. «Почему?», – спросила я. «Мне всегда грустно, даже сейчас», – ответил ты, только что беззаботно смеявшийся над какой-то шуткой. И я подумала, что человеку, у которого постоянно что-то болит, довольно тяжело быть милым и вежливым. А если болит душа? Одиночество саднит, как глубоко впившаяся заноза, боль ищет выхода. Возможно, именно в этом причина твоего «плохого поведения»? «Наверное», – ты немного отстраненно пожал плечами. За всей твоей бравадой и показной самоуверенностью прячется израненная и больная душа, которой очень холодно и одиноко, – еще и потому, что ты не понимаешь, что с этим делать. Ты не

знаешь, что боль можно излить близкому человеку, потому что у тебя его никогда не было. Я еще не стала тебе настолько родной, чтобы эта маета в моем присутствии сама выплеснулась наружу – не как бесцельная истерика, но как слезы, как печаль, жаждущая утешения и получающая его.

Тогда я подумала, что тебя надо очень сильно любить. Мне могут справедливо возразить, что эта мысль стара как мир. Может быть. Но между истиной, существующей вовне и пришедшей изнутри, огромная разница. Одно дело – знать о необходимости любви, совсем другое – понимать, что это именно то, что необходимо маленькому человеку, который называет меня «мамой», пусть и не осознавая значения этого слова...

Мечта о том, чтобы в обществе не осталось сирот, сродни мечте взыскующих Светлый Град. Марии Терновской и ее ближайшим подвижникам веру в то, что они делают, помогает сохранить духовная поддержка отца Александра, настоятеля храма Козьмы и Дамиана в Шубине. Оттуда же пришли и первые воспитатели, забравшие детей в свои семьи.

...Одному из них, Игорю, приснился сон: с неба падает звезда, которая на самом деле оказывается ковром-самолетом; на нем стоят два мальчика, один постарше, другой помладше... Он вспомнил об этом сне почти год спустя. Из органов опеки в детский дом №19 позвонили – срочно необходимо забрать из больницы в семью четырехлетнего мальчика. Ребенок попал в больницу в крайней степени истощения – врачи никогда не видели такой формулы крови, гемоглобин был практически на нуле. Врачебная помощь помогла малышу не умереть, но состояние было критическим. За ребенком поехали Игорь с супругой, в больничной палате их ждал малыш из того самого сна... Позже нашелся и старший брат, он находился в коррекционном детском доме. Этот мальчик, – который, когда его забирали домой, не произносил членораздельные звуки (в полной мере сказан «эффект Маугли»), – выправился, закончил общеобразовательную школу и стал полно-

ценным членом общества, человеком с щедрой и благородной душой.

Но каждая новая семья начинает все сначала, проходит через отчаяние и сомнения и почти непосильный труд души, ибо силы приходят только вместе с любовью и верой.

Ты тесно дружишь с ложью и притворством, «привык» воровать, закатывать жестокие истерики по любому поводу и без оно. Изрядный набор прелестей... Но вселяет надежду то, что потом, на холодную голову, ты способен достаточно адекватно оценивать свои поступки. Очень важной мне кажется твоя способность иногда отследить момент, когда на тебя «находит злость». Конечно, пока в большинстве случаев ты этот момент упускаешь... Но уже два раза тебе удалось «поймать злость за хвост», – и я очень уважаю тебя за это, потому что не каждый взрослый сможет сделать то же со своими чувствами.

Однажды вечером, уже лежа в постели, ты вдруг начал бить себя по голове, утверждая: «Я плохой!» На мой вопрос «Почему?», был ответ: «Я плохой, потому что у меня не получается тебя слушаться...» Правда, всплеск самобичевания был недолгим. Ты тут же притворился умирающим лебедем – только ради того, чтобы сбить меня с толку, отвлечь и потом поиграть с моим мобильником. Это

Эти две грани твоей сущности пока ставят меня в тупик. Мне хочется тебе верить, и в то же время теперь я знаю, что весьма вероятно – ты лжешь и притворяешься. Я не умею еще точно «на глаз» различать, где правда и где ложь. Поэтому сейчас передо мной стоит вопрос – что лучше: полное доверие, в надежде, что, разведя меня достаточное количество раз, ты сам от этого устанешь, или полное недоверие?

была многоуровневая по своей хитрости комбинация, ты «развёл» меня с удивительной легкостью, в чем потом не без гордости признался.

Эти две грани твоей сущности пока ставят меня в тупик. Мне хочется тебе верить, и в то же время теперь я знаю, что весьма вероятно – ты лжешь и притворяешься. Я не умею еще точно на глаз различать, где правда и где ложь. Поэтому сейчас передо мной стоит вопрос – что лучше: полное доверие в надежде, что, «разведя» меня достаточное количество раз, ты сам от этого устанешь, или полное недоверие?

«Только первый год тяжело», – говорят в один голос все, кому довелось воспитывать приемных детей. Историй со счастливым концом – множество. Все они показывают, что, если взрослому хватило любви, мужества и терпения, он становится «творцом человек». Так, Марина и Сергей, двенадцати и трех с половиной лет, были экстренно изъяты из семьи, где четверо детей питались только крупой. Марина носила только черное, была уверена, что она уродина (хотя Бог не обделил ее внешностью), устраивала истерики по любому поводу. Прошло время, и девочка научилась ценить себя и новых родителей, у нее отчетливо проявились лингвистические и математические способности... Сергей первые полгода непрерывно (буквально – практически без паузы) говорил об убийствах, ужасах, мучительствах. Сейчас он хорошо учится в школе, оказался очень солнечным, способным ребенком. Мама записывает за ним его высказывания, одно из которых она особенно любит: «Детский дом – это место, куда приходят родители, у которых нет детей, чтобы взять детей, у которых нет родителей»...

Общее во всех этих историях то, что дети нашли главное счастье в жизни – они стали любимыми, самыми дорогими и близкими для своих новых родителей. По мнению французского педагога и философа Жана Ванье, любить – совсем не значит отдавать что-то, как считают многие. Любить – значит открывать в людях Свет, который уже есть внутри них, помогать встать на ноги, раскрыться, обрести подлинную внутреннюю свободу¹².

Поэтому приемные дети, любимые, оберегаемые, поддерживаемые своими родителями, в большинстве случаев опровергают законы гене-

тики – в них открывается то, что никак нельзя было бы предположить, глядя на их биологических пап и мам. Мудрые люди говорят, что чем выше душа, тем меньше условий нужно для ее прихода в мир, и генетика в этом случае подчиняется иным, более высоким законам.

Таджикский цыганчонок, не говоривший и не понимавший по-русски, был увезен русскими родителями за границу, где он теперь читает про Гарри Поттера в оригинале, учит французский... Другой ребенок успешно занимается балетом и гимнастикой, в английской школе считается одним из лучших учеников. И трудно поверить, что четыре года назад, когда ему было шесть лет, он пытался пробивать головой дверь, имел тяжелый диагноз по неврологии, а также диагноз «олигофрения». Среди детей, закончивших школу, очень высок процент поступления в вузы (обычному воспитаннику детдома иногда даже не приходится в голову попытаться продолжить обучение в более престижном заведении, нежели «кулинарный техникум»). Среди рубежей, взятых детьми из «Новой семьи», – Институт иностранных языков, колледж тележурналистов и многие другие серьезные учебные заведения.

Дети исцеляются даже физически, иногда без специального лечения. У трехлетнего мальчика, согласно медицинской карте, были каверны в полости мозга, заполненные жидкостью. Через полтора года семейной жизни они рассосались бес-

¹² См.: <http://www.vozglas.ru/Nov8.shtml>; http://www.sfi.ru/ar.asp?rubr_id=616&art_id=3159&print=1

следно. Шестилетнего Владика пьяные родители выбросили с балкона, был поврежден позвоночник, к последовавшему за травмой параличу нижних конечностей добавился сепсис, который должен был неизбежно привести ребенка к гибели. Полгода, проведенные в новой семье, вернули ему волю к жизни, началась регенерация органов, он научился сидеть.

Педагоги, пишущие о детях нового сознания, свидетельствуют, что больше всего они нуждаются в безусловной и оберегающей любви. Вряд ли возможно прийти в детский дом и целенаправленно изъять оттуда «детей с синей аурой», чтобы окружить их особой заботой и любовью. Это было бы похоже на отбор «истинных арийцев» по антропометрическим признакам, и к тому же утопично – далеко не каждый талантливый чудо-ребенок потом проявит способности к качественно новому пониманию (и преобразованию) мира; и, наоборот, за агрессией и истеричностью гадкого утенка иногда может скрываться неудовлетворенная потребность во Вселенской Любви. А может и ничего не скрываться, кто знает...

Несколько лет назад наша встреча была абсолютно невозможной – по многим причинам, – но если бы существовала машина времени! Если бы я могла вернуться на несколько лет назад – и забрать, отогреть, защитить тебя, еще совсем маленького, не успевшего закрыться и спрятаться в себе от недружелюбного и неласкового мира. Многого удалось бы избежать, многие «темные пятна» на твоём характере не появились бы. И твой внутренний Свет, не затемненный ими, сиял бы так ярко, во всю мощь.

Я часто пересматриваю твои старые фотографии – которые были сняты еще в детском доме. Наверное, тебе пришлось очень несладко, если из спокойного ребенка (как свидетельствуют милицейские протоколы) через семь долгих лет ты стал таким издерганным и истеричным. Воспитательницы детского дома в один голос говорили мне, что ты очень мечтал о маме, – фантазировал о ней, выдумывал разные невероятные истории.

Сейчас ты научился гасить эту тоску, называя всех знакомых женщин «мамами». И тебе уже сложно сконцентрироваться на ком-то одном, сложно поверить, что что-то в жизни реально изменится. Иногда я думаю о твоей биологической матери, пытаюсь представить, как она выглядела, что чувствовала, когда у нее был сын. Наверное, она все же любила тебя – по-своему, конечно, настолько, насколько это было возможно в ее ситуации. Когда ты поступил в дом ребенка, на твоём теле не было

синяков и царапин, ты был одет, не был истощен, и опять же, ты был на удивление спокойным ребенком. Тогда, много лет назад, увлеченная поиском других удовольствий, она просто забывала о тебе – все чаще и чаще, пока не забыла совсем...

Тот, кто встречался с людьми, воспитываемыми приемных детей, знает, что их объединяет одна общая черта – сила характера и неисправимый оптимизм. И еще – умение почувствовать и навсегда сохранить в сердце «боль Земли», однажды соприкоснувшись с несправедливостью чужих судеб. «...Того из мальчиков земли, с кем это случится, – я люблю, как сына»¹³, – эти слова Елены Гуро можно определить как позицию взрослого человека в мире. В мире, который в конечном итоге мудро устроен, – поскольку в условиях тотальной войны против детства непременно появляются люди, «командоры», к которым это свойство их души приходит как бы извне, как непреложность «внутреннего приказа». К кому-то в виде сна, к кому-то – как внезапное решение, которое сродни озарению. Есть и такие, кто в восьмом классе записал в девичий дневник, что когда-нибудь возьмет на воспитание дочь, или с семнадцати лет знал имя первого приемного сына...

Все началось много-много лет назад, задолго до твоего рождения. Не так давно я рассказала тебе эту сказку, в которой, я верю, все правда. Когда человек готовится к тому, чтобы родиться на Земле, его Ангел открывает ему тайну: рассказывает, что предстоит ему совершить доброго и хорошего. Одному – лечить и спасать людей, другому – писать прекрасные картины, третьему – построить храм... И перед рождением человек обещает совершить то, что ему предназначено. Кто-то забывает об этом, и его жизнь становится бессмысленной; кто-то помнит, но у него не хватает времени и сил осуществить то, что ему было суждено, – ему еще тяжелее, потому что всю жизнь болит душа по несовершенному добру. А есть те, кто помнит и всеми силами стремится выполнить обещанное. Когда я собиралась родиться, Ангел зачитал мне список дел, из которых мне больше всего запомнилось, что рано или поздно я стану матерью для тех, кому пришлось остаться в этом мире в одиночестве. Сколько себя помню, эта мысль вела меня по жизни как данность, как аксиома, не требующая доказательств. И наконец я поняла, что пришло время исполнить обещание.

В конце года дети «Нашей семьи» вместе с родителями собираются в театре «Модерн» (он на-

¹³ Гуро Е. Небесные верблюжата. С. 31.

ходится по соседству с детским домом №19). Здесь все знают друг друга по именам, малыши не держатся испуганно за мамину руку, бегают, играют, озорничают. Я слышала, как отец Александр разговаривал с залом, задавал самые простые (и самые сложные, вечные) вопросы, и дети отвечали ему – не заученным «детсадовским» хором, а живым многоголосьем, вразной, своими словами. Эти дети умеют думать и глубоко чувствуют. «Пяти-шестилетний ребенок знает иногда о Боге или о добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданной глубины, что поневоле заключишь, что этому младенцу даны природою какие-нибудь другие средства приобретения знаний, не только нам неизвестные, но которые мы даже, на основании педагогики, должны бы были почти отвергнуть»¹⁴.

Достоевский писал, что ребенок – «это луч из рая, это откровение из будущего, когда человек станет наконец так же чист и простодушен, как дитя»¹⁵. Слушая рассказы счастливых приемных родителей, из которых, если убрать главное – любовь и взаимное воспитание души ребенка и взрослого, мог бы получиться неплохой психологический триллер, понимаешь, что именно эта лю-

бовь, – рождающая, освобождающая солнечный дух ребенка, – едва ли не самая сильная, приближающая нас к Господу. Возможно, именно эти очаги безусловной любви помогут утяжелить чашу Добра, когда на вселенских весах будет взвешиваться судьба Планеты. Великий гуманист XX века Антуан де Сент-Экзюпери устами своего героя, правителя гипотетического государства произнес: «Господи! Я хочу преисполнить моих воинов благородством, а храм, на который люди тратят себя и который для них смысл их жизни, переполнить красотой. Но сегодня вечером, когда я шел с пустыней моей любви, я увидел маленькую девочку. Она плакала. Я повернул ее к себе и посмотрел в глаза. Горе ее ослепило меня. Если, Господи, я пренебрегу им, я пренебрегу одной из частичек мира, и творение мое не будет завершено. Я не отворачиваюсь от великих целей, но не хочу, чтобы плакала и малышка. Только тогда мир будет в порядке. Маленькая девочка – тоже крупица Вселенной»¹⁶. Великие и малые цели, которыми наполнена каждодневность взрослого человека, не должны мешать правителям и обычным людям рассмотреть эту крупицу Вселенной, без которой, быть может, мироздание разрушится...

¹⁴ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Цит. по: Собрание мыслей Достоевского. С. 555.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Подросток. Цит. по: Собрание мыслей Достоевского. С. 571.

¹⁶ Сент-Экзюпери А. Соч. В 2 т. Т. 2. Цитадель. С. 62–63.

